

Владимир Гиляровский

Певец города

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Москва и москвичи // Эксмо, М., 2008

ISBN: 978-5-699-11515-0

FB2: "shum29" <au.shum@gmail.com >, 15.11.2008, version 1.0

UUID: ec2a8a81-04a3-102c-99a2-0288a49f2f10

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Алексеевич Гиляровский

Певец города (Друзья и встречи)

«Июнь – боевой месяц московских скачек, и с рассветом до восьми девяти часов утра владельцы лошадей и спортсмены всегда присутствовали на работах. Посторонних зрителей не бывало прежде всего потому, что пускали на ипподром только своих, да, кроме того, жокеи скакали без камзолов, в пиджаках и фуражках – так что лошадь узнать незнатоку не было возможности и глядеть, не зная, что за лошади скачут, интереса не представляло...»

Владимир Гиляровский

Певец города

Половина июня, а уж кандидаты на выиг-
рыш дерби начинали определяться, хотя
владельцы на утренних галопах старались
скрыть резвость своих крэков [1], пуская их
совершенно неожиданно не с определенных
мест, а где-нибудь внутри круга, иногда по
мягкой дорожке, или делают галопы в два ча-
са ночи, на рассвете. Июнь – боевой месяц
московских скачек, и с рассветом до восьми
девяти часов утра владельцы лошадей и
спортсмены всегда присутствовали на рабо-
тах. Посторонних зрителей не бывало прежде
всего потому, что пускали на ипподром толь-
ко своих, да, кроме того, жокеи скакали без
камзолов, в пиджаках и фуражках – так что
лошадь узнать незнатоку не было возможно-
сти и глядеть, не зная, что за лошади скачут,
интереса не представляло. Владельцы входили
внутрь круга, где проводили лошадей,
шептались с тренерами, отдавали приказан-
ия жокеям. Любители сидели скромно за
чайком вокруг мраморных столиков посреди
партера. Накануне больших скачек весь цвет
скакового спорта присутствовал здесь.

Солнце еще только сверкнуло лучами на

крышах высоких зданий, а граф Г. И. Рибопьер в сопровождении К. А. Петиона уже показался на росистой траве круга. Рибопьер любовался трехлетками своего завода, детьми Эола и Астарота, и обсуждал шансы на приз с тренером Митчелем. Рибопьер, вице-президент скакового общества, был в гусарской форме, а Петион, состоявший при нем в менеджерах [2], его товарищ по гвардии, – в штатской, но такой же «гордый и ясный», как и его принципал. Рибопьер очень гордился своим графством, хотя титул этот и фамилию предок его получил по милости Екатерины II за заслуги, о которых потомок избегал распространяться. Придворный парикмахер Пьер был особенно миловиден, когда смеялся, и Екатерина часто говорила ему: «Ris, beau Pierre!» [3]. Отсюда и пошла фамилия, а потом к ней присоединился и графский титул. Петион о своих предках молчал, потому что в те времена иметь дедом одного из крупнейших вождей французской революции было, конечно, возможно, но говорить об этом было рискованно. Чуть ли даже не из-за этого родства Петион, гвардейский офицер, в отставку при-

нужден был выйти.

Вот два рыжих трехлетка в пополах ринулись внутрь круга с места... Петсион щелкнул секундомером – все спортсмены поднялись у своих столиков и взялись кто за бинокль, кто за часы... Все караулили конюшню Рибопьера, откуда ждали дербиста. К Рибопьеру подошел генерал Арапов, лошади которого уже отскакали: тренер его, Николай Чураев, проверил их, еще когда чуть брезжило, и теперь наблюдал конкурентов...

Братья Иловайские, донские коннозаводчики, тоже пустили своих красавцев, детей знаменитого Дир-Боя, купленного ими у донского коннозаводчика Максима Денисова из Пятиизбянской станицы, прямого и единственного потомка Степана Разина, что Денисову ставилось в вину начальством и отзывалось на успехах службы...

Как журавль на болоте, в дальнем углу ипподрома недвижно стоял польский коннозаводчик Людвиг Грабовский. Своего трехлетка, который, как он верил, должен вне конкуренции взять дерби, Грабовский не пускал сегодня, потому что много собралось публики.

Этот страстный охотник любил скаковую публику только в те моменты, когда его лошадь, взявшую большой приз, публика поощряла аплодисментами. Тогда Грабовский прямо от весов еще не остывшего скакуна брал левой рукой за повод и проваживал перед трибунами под аплодисменты публики, размахивая ответно цилиндром, поднятым выше головы лошади...

Братья Ильенко, украинские коннозаводчики, всегда скакали только на лошадях своего завода и сажали на них только своих жокеев-украинцев, которых так воспитывали, что они являлись самыми опасными конкурентами и в скачках побивали англичан. Таковы были Воронков и Дудак.

Круг оживал все больше и больше. Появились члены скакового общества с биноклями. Они разместились в беседке для действительных членов, куда члены-любители не допускались. Сюда им подавали кофе и легкий холодный завтрак. Здесь были казак Платонов с солдатским Георгием, А. Ф. Шереметьев, М. Л. Псковский, Ф. Ф. Достоевский, сын знаменитого писателя, казначей общества... Вот в бесед-

ку внесли на кресле княгиню А. М. Хилкову – она давно уже лишилась ног, но без лошадей жить не может. А сегодня привезли ее посмотреть трехлетка Вальса, сына Лагурьена, любимого производителя ее завода. На Вальса она возлагала большие надежды и любовалась красавцем жеребцом под жокеем Пучковым, промчавшимся по призовому кругу возле самой беседки...

Дербисты отскакали. Пошел старший возраст и ездоки-охотники. На препятствиях пробовал новую лошадь, кажется, Вербену, ротмистр Сумского гусарского полка Е. Н. Звонкин, не пропускавший ни одной скачки с препятствиями. Он падал несколько раз, и его уносили с круга замертво, говорили, что у него «семь ключиц» сломано, а он все скачет и добросовестно берет призы. Соколов весьма удачно пробовал на «ирландском банкете» какую-то норовистую лошадь и лихо справился с опасным препятствием... Брал барьеры прекрасный ездок Манич. Ему из-за столиков аплодировали, но не за езду, а по другой, особой причине: кроме скакового спорта, он занимался комиссионными делами. Года два

назад он по поручению фабриканта Постникова продал его роскошный дом на шоссе, примыкавший садом к скаковому двору, фабриканту Коншину. В саду был небольшой пруд с карасями. При составлении у нотариуса купчей Манич выговорил себе в добавок комиссии карасей в пруду, на что Коншин согласился, и в купчей написали, что караси в пруду принадлежат Маничу. Прошло два года, Коншину понадобилось выстроить для своей рысистой конюшни здание, для чего необходимо было засыпать пруд. Когда приступили к работам, Манич заявил, что он не позволяет трогать его рыбу. В конце концов за десяток карасей Манич получил с Коншина двенадцать тысяч рублей.

Но вот барьеры убрали, и часов с семи начали скакать лошади, следить за резвостью которых интересно было уже только их владельцам да игрокам в тотализатор. Когда все скаковое начальство ушло, стала собираться посторонняя публика. Приходили любители провести утро на свежем воздухе и полюбоваться лошадьми. Ввалилась раскрасневшаяся компания прямо из отдельного кабинета

«Яра». Предводительствовал компанией за-
всегдагой «Яра» Иван Иваныч в своем неиз-
менном цилиндре над огромными усами. Он
занял столик, а сам подошел к соседнему сто-
лику, где сидели солидный пожилой мужчи-
на с рыжей бородой и другой – с коротко под-
стриженными усами, а на стуле стоял гимна-
зист и в бинокль наблюдал лошадей.

– Яков Кузьмич, меня просил цыган Федор
Соколов узнать – выиграет ли сегодня канди-
кап ваш Еврипид?

Иван Иваныч расправил усы, поздоровал-
ся и сел за столик.

– Думаю, что не выиграет... Мы сейчас вот
с Бараниным рассуждали... Он ведь его трени-
рует и говорит, что шансов нет – фунтов пять
сбросить бы.

– Ну а Этна как? Она на поощрительный
приз скачет...

– Этна не в кондициях... Так, для галопа
пускаем! – вдруг, соскочив со стула, отрезал
гимназист. Сел, отвернулся и снова взялся за
бинокль.

Иван Иваныч извинился, встал и напра-
вился к своей компании.

– Этна сегодня легко выигрывает, но если этому усатому сказать, он разблаговестит, и дадут за нее гривенник на рубль, – заявил гимназист, как только Иван Иваныч отошел.

– Ты уж у меня, Валерий, известный политик... Все у тебя рассчитано, – ответил мужчина с рыжей бородой, отец гимназиста.

В тотализатор он обычно не играл, только каждый раз брал на свою лошадь один билет и то не ради азарта, а просто так, без всякого расчета. За билетом он посылал сына, а тот, когда знал наверное, что лошадь выиграть не может, клал деньги в карман и говорил отцу:

– Я ставить не буду и страхую твой выигрыш, даром жечь денег не следует. А на эти деньги я книг куплю...

– Ах, дипломат, дипломат! И все-то у тебя с «холодным вниманием рассудка».

Яков Кузьмич, развитой и начитанный, любил щегольнуть цитатой, особенно за стаканом вина, в дружеской беседе. Чистокровные лошади были его страстью.

«Чистокровная лошадь – красота и сила», «резвость есть сумма силы» – то и дело бросал он в разговорах со спортсменами такие афо-

ризмы.

У него было всего только две лошади второстепенные – Этна и Еврипид. Они стояли на конюшне тренера Баранина, выигрывали редко, а все-таки окупали себя и доставляли огромное удовольствие владельцу, страстному любителю скачек, как и его сын, гимназист. Со стариком Брюсовым я был знаком по «Славянскому базару», где он завтракал, приходя из своего городского амбара. Он был подписчиком спортивного журнала, который я редактировал, а главным читателем журнала был его сын. С обоими я постоянно встречался на скачках.

Однажды сын пришел ко мне в редакцию раскрасневшийся, взволнованный и робко подал статью по вопросу, в то время сильно волновавшему спортсменов. Написано было бойко, освещение верное. Я ее напечатал в ближайшем номере, и велика была радость юноши, увидавшего в печати свое первое произведение. После этого В. Я. Брюсов написал еще несколько спортивных статей, а затем, уже будучи студентом, навсегда бросил спорт и перешел на поэзию и науку. Впослед-

ствии он мне прислал книжку своих стихов «Русские символисты», с посвящением и подписью авторов: «Валерий Брюсов и Д. Миропольский». Мы время от времени начали встречаться, но близкого знакомства как-то не завязывалось.

Весной 1900 года ехали мы с Валерием Яковлевичем Брюсовым вдвоем в купе из Москвы по Александровской железной дороге. Конечно, разговор о поэзии, о современных поэтах, о литературных течениях и общих знакомых.

– Мы люди разные, – сказал Брюсов. – Вы человек степи, певец воли и удали, а мы люди города. Мы износились в городе, а все-таки я его люблю.

Надо заметить, что говорил он это года за три до своего увлечения Верхарном.

– Вот в вашей «Забытой тетради», – продолжал Брюсов, – в стихотворении «Каменный город», вы говорите:

*Сгубят меня эти камни,
Годик побыть бы на воле...*

А мы вот без города жить не можем. Город

для нас все. Мы боимся степного простора.

И он прочел несколько стихотворений. В них были и «улицы, кишащие народом, шумные дикой толпой», и «ушедшие в небо ступени, застывшие громады зданий», и «грохот его, и шумы певучие»...

– Вот ответ на ваш «Каменный город», слушайте:

*Мы дышим комнатною пылью,
Живем среди картин и книг,
И дорог нашему бессилью
Отдельный стих, отдельный миг.*

А я отвечал ему отрывками из «Стеньки Разина», «Запорожцев», отвечал ему песнями моря, степи, горных бурь, ночного урагана... Разина я ему прочел всего, с запрещенными тогда главами.

– О, если б это напечатать! Это сплошь революция.

– На Волге начато. На Дону кончено.

– Да. Это в городе не могло родиться.

– Вот поэтому-то я и не люблю города, – ответил я.

Вернувшись осенью в Москву, я нашел у себя на столе письмо от Валерия Яковлевича,

В котором он говорил, что посылает мне продолжение нашей вагонной беседы, а меня просил прислать ему всю, с запрещенными главами, поэму «Стенька Разин». В другом пакете лежала книга «Tetria vigilla».

Рубрика «Города» два раза подчеркнута карандашом. А на первой странице такое посвящение:

В. А. ГИЛЯРОВСКОМУ

*Все мы жалки и тощи
В этой дряхлой вселенной,
В мире бледных кикимор.
Слава радостной мощи
Все ж в тебе неизменной,
Гиляровский Владимир.*

Валерий Брюсов. 1900.

* * *

Потом мы часто встречались в Литературном художественном кружке, где он был директором, но это были встречи на народе, не такие, как тогда, в вагоне. Здесь Брюсов совсем не тот. Мне казалось, что вышел он из врубелевского портрета – в официальном сюртуке, застегнутый, как футляр, на все пуговицы, со скрещенными на груди руками. И

даже голова мне казалась такой, как ее понял и дал проникновенный Врубель. Или я его видел иногда на шмаровинской «среде», на литературных «вторниках», на разных юбилейных ужинах. Встречи были минутные, но когда мы жали друг другу руку, лицо его теряло обычную холодную корректность, на губах расцветала дружеская улыбка, и вся его фигура оживала от статуйности. Радостно каждый раз встречались и ни разу не обменялись при этих встречах своими взглядами на то или другое течение в литературе. Я следил за его литературными и разнообразными научными работами и, вспоминая его слабую, бессильную фигуру, дивился работоспособности дышавшего «комнатной пылью» человека, у которого «отдельный стих, отдельный миг»... В его переводах Верхарна я находил много знакомого, много того, что я пять лет назад, в вагоне между Москвой и Шелковской, слышал от «певца города», которому был понятен Грохот его и шум певучий.

* * *

Шли годы. Наши мимолетные встречи продолжались так же дружески, но «певец го-

рода» становился с годами другим. В нем колотал уже отзвук вулкана революций, он уже предвидел

Океан народной страсти,
В щепы дробящий утлый трон...

«На этих всех, довольных малым, вы, дети пламенного дня, восстаньте смерчем, смертным шквалом, крушите жизнь и с ней меня»...

И город стал не тот, что тогда, когда он писал свои «Tetria vigilla». Теперь он славил город:

«И когда среди крови, пожара и дыма неумолимо толпа возвышает свой голос мятежный, все прошлое топчет в прахе, играет со смерчем в кровавые плахи...»

Так еще задолго до первой революции начинает сказываться будущий поэт Октября.

* * *

Менялось время. Менялись отношения между людьми. А мы в отношении друг друга были неизменны. Насколько понимали мы и любили друг друга, может быть ясно из следующего.

В 1911 году, под осень, я сильно заболел

воспалением легких. Чувствую, что все может случиться, что я, наконец, могу сломаться, а надо было кое о чем подумать вперед. Я решил обратиться к единственному в Москве человеку – хоть вся Москва знакома – Валерию Яковлевичу.

С постели вызвал его по телефону и говорю:

– Валерий Яковлевич, у меня воспаление легких, температура больше тридцати девяти, но мне необходимо вас повидать. Именно вас одного и никого более. Заразного ничего. Если бы вы...

– Ну что же, я через час, ровно через час приеду к вам, – перебил он меня и еще раз сказал: – Через час я у вас. – И положил трубку.

Часы пробили шесть.

Жду. Ставлю термометр: тридцать девять. Начинаю сомневаться: вдруг не придет?

Звонок у двери. Жена идет встречать и через минуту вводит Валерия Яковлевича. Часы бьют семь.

– Дядя Гиляй! Да разве степному орлу полагается хворать! – И протягивает руку. Я не хо-

чу подавать – он берет насильно и крепко жмет. Я отвечаю.

– Э, дядя Гиляй! Руку сломаешь, ведь мы городские.

– Валерий Яковлевич! Прошу выслушать – и дайте слово, что меня не перебьете до конца.

– Даю.

– Мне очень плохо. Сегодня ночью уж я был на том свете. Если не перенесу – исполните мою огромную просьбу.

И я рассказал ему, как бы мне хотелось видеть изданными мои работы.

– Ну вот видите, дорогой дядя Гиляй, первую вашу просьбу я исполнил. А она была очень трудная – не перебить вас, когда вы, извините, несете чушь. Но я не перебивал вас. Вторая же ваша просьба совсем легкая, я с легким сердцем даю вам слово исполнить ее в точности, тем более что мне ее и не придется исполнять: через две недели мы будем в кружке пить ваш любимый карданах... Вы любую болезнь ветром развеете... А вот если вас придавит рухнувшим домом в городе или в степи грозой убьет – иначе вы умереть не

можете, – то даю вам слово сделать все, что вы сказали.

Во время чая Валерий Яковлевич рассматривал мой альбом и написал в нем следующие стихи. Был ли это экспромт и есть ли они в печати – не знаю.

*Меня поманит ли улыбкой
Любовь, подруга лучших лет,
Иль над душой, как влага зыбкой,
Заблещет молний синий цвет;
На радости и на страданья
Живым стихом отвечу я,
Ловец в пустыне бытия...
Стоцветных перлов ожиданья.*

Валерий Брюсов.

На добрую память о прошлом

В. А. Гиляровскому 29 сентября 1911 г.

Часы били девять. Тогда он ушел. Потом он несколько раз справлялся по телефону, а через две недели мы пили с ним в кружке карданах.

* * *

Во время германской войны ни разу не встречались, выходило так: когда он в Москве – я уеду или наоборот.

Только после Октября мы стали встречаться чаще и опять на минуты. Как-то в голодный год только подольше побеседовали в театре Зимина на каком-то митинге или спектакле. Сидели за кулисами в артистической уборной, пили чай и ели жадно какие-то бутерброды с лошадиной колбасой. Между прочим, поменялись экспромтами. Что ему я написал – не помню, а он занял страничку моей книжки:

*Другу моего отца и моему
В. А. Гиляровскому – дяде Гиляю,*

*Тому, кто пел нам полстолетья,
Не пропустив в нем ни штриха,
При беглой встрече рад пропеть я
Хотя бы дважды два стиха.*

*Валерий Брюсов.
20 июля 1920 г.*

* * *

На моем полувековом юбилее, 3 декабря 1923 года, Валерий Яковлевич был товарищем председателя юбилейного комитета. Чувствуя себя не совсем здоровым, он все-таки приехал и в своем приветствии вспомнил, как он гим-

назистом принес ко мне свое первое произведение и как был счастлив, когда я напечатал его первый литературный труд. И это было в последний раз, когда я видел Валерия Яковлевича, слышал его, говорил с ним.

Через месяц праздновался юбилей поэта в Большом театре, но юбиляр, еще не поправившийся от болезни, незримо присутствовал в глубине темной директорской ложи бенуара, рядом со сценой.

Я знал о состоянии его здоровья, знал, что он там, за этой драпировкой. Он грезился мне таким же усталым и бледным, каким он был на моем юбилее, и, читая свое приветствие, я встал на правой стороне сцены и обратился лицом к ложе. В своем стихотворении я хотел продолжить его речь, его воспоминание юных дней – и оно начиналось так:

*Помню я, в серенькой блузе
Ко мне гимназист приходил...*

Примечания

Крэк – фаворит.

[^^^]

2

Менажер – заведующий хозяйством, управляющий.

[^^^]

3

ри, бо Пьер! – Посмейся, красавец Пьер!

[^^^]